

Вглядываясь в начертанные на веере восемь иероглифов, Чун И все больше мрачнел. Стоявший подле него Ван Юаньчэнь, не понимая причин монаршего гнева, робко подался вперед, бросил взгляд на веер и осторожно произнес:

— Ваше Величество, неужели это веер бакалавра-чтеца Фу? Слог сяочжуань выписан столь искусно, в нем воистину чувствуется дух древних мастеров.

Чун И с глухим стуком швырнул веер на каменный стол и ледяным тоном процедил:

— Тебе, конечно, мнится, что это рука Сяошаня. Но разве могу я не узнать почерк Чун Дая?

Ван Юаньчэнь опешил:

— Это... неужто вещь генерала Чун Дая?

— Кого же еще, — император сжал кулаки. — Понюхай сам. Наш «господин Muskusa и Орхидеи» вечно тщится прослыть изысканным эстетом — нет такого искусства, в коем он не желал бы преуспеть. Каллиграфия малым уставом для него не более чем забава.

Юаньчэнь осторожно потянул носом. И верно: веер источал тонкий аромат мускуса и орхидеи. Должно быть, накануне ночью благоухание цветущей сливы было столь густым, что этот запах попросту затерялся. Видя, как лицо государя омрачилось, Ван Юаньчэнь невольно устремил тревожный взор на двери покоев. Ему сделалось не по себе за спящего внутри Фу Исяня. Годами служа императору Юйчэну, старый слуга досконально изучил его нрав: то, что владыке приглянулось, он прибирал к рукам намертво и не выпускал ни под каким видом.

За долгие годы Чун И привязался к Исяню всем сердцем, однако ему было отлично известно и о чувствах Чун Дая к бакалавру-чтецу. Стоило государю увидеть этот веер с надписью «Исянь, обнимающий дальние горы», как в его груди взметнулся неистовый пожар ревности. А поскольку соперник сейчас далеко — несет службу у заставы Медной Горы, — весь гнев государя неминуемо обрушится на ни в чем не повинного Фу Исяня.

Чун И долго стоял молча, задумчиво вертя в пальцах сандаловый веер. Несколько раз он порывался обернуться к флигелю, на его лице сменяли друг друга гнев и нерешительность. Наконец, укротив внутренний порыв, он резко взмахнул рукавом, призывая Ван Юаньчэня следовать за ним, и зашагал прочь.

Три дня после весеннего равноденствия, четвертый год правления Юйчэня. Великое бракосочетание Императора

Согласно священным ритуалам Поднебесной, пышный свадебный кортеж покинул Запретный

город через ворота Вечного Спокойствия. Приняв нареченную государыню из усадьбы начальника гвардии Жуй Жуна, процессия торжественно обогнула столицу и вошла во дворец через уединенные ворота Явленного Счастья. Створы этих ворот оставались запертыми круглый год — их открывали лишь единожды, дабы впустить в чертоги новоявленную хозяйку внутреннего двора. Государь в это время вершил таинство в родовом храме, вознося жертвы Небу, Земле и предкам. Лишь завершив священнодействие, он встретил молодую супругу для обряда поднесения брачной чаши, после чего во дворец Молитвы Феникса начался грандиозный пир, устроенный для гражданских и военных чинов империи.

Череда утомительных и сложных церемоний бралась за начало еще в предрассветный час тигра и завершалась лишь на исходе часа петуха. Но и тогда венценосной чете не полагалось отдыха: им надлежало явиться во дворец Вечного Покоя, дабы засвидетельствовать почтение вдовствующей императрице и выслушать ее материнские наставления. Лишь после возвращения новобрачных под сень дворца Молитвы Феникса торжество считалось свершенным.

По случаю бракосочетания владыки все сановники, находившиеся в столице — вне зависимости от того, служили ли они при дворе или прибыли из дальних провинций, — обязаны были явиться на празднество. Разумеется, среди приглашенных находился и Фу Исянь. По правде говоря, чиновники непрерывно сопровождали торжество, начиная со службы в храме предков. Поскольку бакалавр-чтец Фу долгое время не показывался на людях, ссылаясь на недуг, его внезапное появление вызвало немало праздных расспросов. Исянь, впрочем, держался безупречно вежливо и встречал излишнее любопытство мягкой, неизменной улыбкой.

И все же от пронизательного взора Исяня не укрылось, что Чун И не в духе. Пусть государь с утра до ночи сиял улыбкой, выказывал юношеский задор и щедро одаривал гостей чарками с вином, бакалавр-чтец отчетливо видел его досаду и глухое раздражение. Особенно это бросалось в глаза, когда император обращался к Жуй Жону — его милость к новоиспеченному тестю казалась избыточной, почти гротескной. Присутствующие списывали это на искреннюю радость новобрачного, и лишь Исянь втайне тревожился, как бы государь не переиграл, породив ненужные подозрения в умах ушлых царедворцев.

Чун И тоже заметил его с самого утра. Среди бескрайнего, колышущегося темного моря чиновничьих шапок у стен храма императору стоило лишь скользнуть взором назад, чтобы безошибочно выхватить из толпы знакомый силуэт. Даже во дворец Молитвы Феникса, где рекой лилось вино, гремела изысканная музыка и царило праздничное столпотворение, Чун И не требовалось высматривать бакалавра-чтеца или бросать на него долгие взгляды — он и так всем естеством чуял, где тот находится. Исянь весь вечер тихо сидел за своим столом, поднимаясь лишь тогда, когда ритуал требовал выпить поднесенный кубок императорского вина.

Уже глубокой ночью, стоя на коленях бок о бок с молодой императрицей во дворце Вечного Покоя под мерные поучения вдовствующей государыни, Чун И думал лишь об одном.

«Нужно непременно повысить Сяошаня. Нынешний чин четвертого ранга слишком мал — во время всех этих церемоний он сидит и стоит так далеко, что лица не разглядеть. Ему надобно

дать хотя бы третий ранг, только тогда по регламенту он сможет находиться подле престола».

Когда утомительное действо наконец подошло к концу, Чун И рука об руку с супругой вернулся в почивальню дворца Молитвы Феникса. Лишь здесь у него появилось время беспристрастно разглядеть новоиспеченную императрицу — старшую дочь начальника гвардии Жуй Жуна по имени Линьсю. Чун И вспомнил строки из тайного доклада Фу Исяня. Тот отзывался о ней как о девице «почтительной, мудрой, добродетельной и кроткой», добавляя: «Сия дева возвращена в строгости и благородстве, нрав ее безупречен. Даже если наши главные замыслы потерпят крах, к ней надлежит относиться с почтением, подобающим государыне. Лучшей опоры для Сына Неба во внутренних покоях не сыскать».

Тогда, в дни своего затворничества, Исянь упорно не являлся во дворец, уклоняясь даже от высочайших аудиенций под предлогом хвори. Посылаемые Чун И придворные лекари лишь разводили руками: мол, у бакалавра-чтеца душевное истощение и внутренний холод в теле, но смертельной опасности нет. Оказавшись в тупике, Чун И был вынужден тайно набросать записку с вопросом о том, кого бакалавр-чтец видит на месте императрицы, и отправить ее с верным Ван Юаньчэнем. Возвратившись в чертоги, евнух принес подробный доклад, в котором Исянь рекомендовал Линьсю, тщательно взвесив все выгоды и угрозы для общего дела.

Тогда Юаньчэнь не удержался от вздоха:

— Ваше Величество, бакалавр Фу предан вам до глубины души. В каждом помысле он печется лишь о вашем благоденствии. Всем мужам Поднебесной стоило бы сгореть от стыда перед такой верностью.

Вскоре после этого разговора Чун И, облачившись в простое платье, тайно покинул дворец ради встречи с Исянем в заснеженном сливовом саду генеральской усадьбы.

И вот теперь Линьсю робко сидела на краю резного ложа, окруженная молчаливыми придворными дамами. Чун И, устроившись за свадебным столом Хэхуань, безучастно взирал на юную жену, пока все его мысли занимал Исянь. В памяти ярким пламенем оживали воспоминания о той безумной ночи, тихий, прерывистый шепот Исяня будто бы до сих пор звучал в ушах. Желание обожгло государя изнутри. Он резко поднялся и шагнул к постели. Заметив этот жест, фрейлины поклонились и беззвучно покинули спальню.

Линьсю, выросшая в знатной семье и обученная строгим правилам приличия, сидела неподвижно, не смея поднять глаз и издать ни звука. Чун И опустил рядом с ней на шелковые простыни. Спустя мгновение его пальцы мягко, но настойчиво коснулись ее подбородка, заставляя повернуть лицо. Только тогда Линьсю осмелилась робко взглянуть на супруга. Она впервые видела лик Сына Неба — волевой излом бровей, гордый разлет плеч, величие в каждом движении. Сердце девушки сладко затрепетало от невольного ликования.

В брачную ночь государю надлежало разделить ложе с супругой, как то заведено у смертных. Свечи горели алым пламенем, обещая сладостный покой, но Чун И упорно, до одержимости грезил лишь о Фу Исяне. Когда Линьсю, трепеща от страха и немного предвкушения,

склонилась перед ним, ладонь Чун И скользнула по ее одеждам. Юная государыня не отличалась девичьей худобой — в свои шестнадцать лет она цвела пышной, зрелой красотой.

Но стоило ему коснуться ее округлого плеча, как по телу императора пробежала ледяная дрожь. Словно от внезапного ожога, он отпрянул, сел и прерывисто задышал. Бросив взгляд на Линьсю — разметававшиеся черные кудри, зажмуренные веки, нежный румянец на щеках, — Чун И не ощутил ничего, кроме непреодолимого отвращения к этой безупречной женской плоти.

Откинув шелковый полог, Чун И резко поднялся и, даже не набросив парадное одеяние, в одной лишь исподней ярко-желтой шелковой рубаше с драконами шагнул за порог.

Ван Юаньчэнь, пригубивший за вечер празднественного вина, дремал в углу внешнего зала. Услышав тихий шорох дверей, евнух сперва решил оборвать нерадивого слугу, однако, разлепив веки, оцепенел от ужаса: перед ним стоял государь, и лик его был чернее тучи. Поспешно засеменив навстречу, Ван Юаньчэнь пролепетал:

— Ваше Величество, помилуйте... Уже четвертая стража близится. Почему вы не поживаете? Куда... куда вы изволите идти?

Чун И замер, на мгновение задумавшись, и глухо бросил:

— Возвращаемся в Боковой зал Резонирующей Гармонии.

Услышав это, евнух Ван едва не лишился чувств. Покинуть супружеское ложе в первую же брачную ночь и уйти спать в рабочий кабинет?! Неужто повздорил с молодой государыней? Но нет, такого не могло быть: Линьсю слишком умна и покорна для упреков. Пока евнух терялся в догадках, император уже перешагнул порог дворца Молитвы Феникса и скорым шагом направился к Боковому залу Резонирующей Гармонии. Ван Юаньчэню ничего не оставалось, как семенить следом, шепча на ходу:

— Ваше Величество, умоляю, не спешите так, обождите старого раба!.. Государь, согласно незыблемым правилам, новобрачным надлежит провести первые дни под одной крышей. Если вы покинете ее сейчас, как уберечь репутацию молодой императрицы?

— Вели дворцовым слугам держать языки за зубами, — процедил Чун И, даже не оборачиваясь.
— Если просочится хоть единое слово — никто из них живым из дворца не выйдет.

Ван Юаньчэнь испуганно втянул голову в плечи. Его лоб мгновенно покрылся холодной испариной.

Когда они достигли Зала Резонирующей Гармонии, во дворце царила сонная тишина: слуги, пригубившие вина по случаю праздника, спали без задних ног. Чун И не пожелал никого будить. Старый евнух затеплил неяркий масляный фонарь в форме спелой хурмы, торопливо

взбил постель, согрел воды для умывания и бережно помог государю лечь.

— Ложитесь скорее, Ваше Величество, — тихо прошептал Ван Юаньчэнь. — Скоро уже рассвет затеплится, до зари всего ничего осталось.

Чун И лежал без движения, закинув руки за голову и глядя в темный потолок.

— Юаньчэнь.

— Раб ваш слушает.

— Пусть сегодня на дежурство встанет Сяо Юань-цзы. Ты тоже выпил лишнего, ступай, вздремни где-нибудь.

<http://bllate.org/book/19874/2039295>